
СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.1

СМЫСЛЫ КАК КАЧЕСТВЕННАЯ И СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ¹

SENSE AS A QUALITY AND ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF SOCIOLOGY OF LIFE

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: zhantosch@mail.ru

Zhan T. Toshchenko

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Leading scientific worker, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Scientific Advisor of the Faculty of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, e-mail: zhantosch@mail.ru

В статье раскрывается возможность применения в интерпретации в концепции «социология жизни» и ее основном понятии – жизненный мир нового понятия – смысла. Дана социологическая трактовка этого понятия и на этой базе предложена его операционализация, которая использована в исследовании жизненного мира россиян, осуществленном в РГГУ в 2012–2016 гг. в сопоставлении с рядом исследо-

The article reveals the possibility of using a new concept – “sense” in the interpretation of the concept “sociology of life” and its main concept the life world. The sociological interpretation of this concept is given and its operationalization is proposed. It is used in the studies of the life world of Russians, conducted at the RSUH in 2012–2016 years and the comparison with a number of studies in the late 1980s is given. On the basis of the ob-

---

¹ При поддержке РФФИ, проект 17-06-00407.

ваний конца 1980-х гг. На основе полученных данных были определены главные смыслы жизни россиян: социальная справедливость, социальная защищенность и стремление понять, какое общество строится в России, а также смыслы, к достижению которых стремятся люди в основных сферах общественной жизни – в экономике, политике, в социальной и духовно-культурной сферах.

Ключевые слова: социология жизни, жизненный мир, смысл.

tained data, the main senses of the life of Russians were determined: social justice, social security and the desire to understand what kind of society is being built in Russia. Also the author shows for what sense of the main spheres of public life (economy, politics, social, spiritual and cultural ones) the people strive.

Keywords: sociology of life, life world, sense.

Введение

В концепции «социология жизни» основным понятием является «жизненный мир», главным индикатором которого являются *смыслы жизни*, отражающие главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды. При всем многообразии характеристик жизни человека смыслы выступают понятиями и, соответственно, показателями, которые выражают целостное видение, главные (основные, определяющие) ценности-принципы, связанные с целевыми установками. Справедливо замечание Дж. Александера, что на протяжении большей части своего развития социология характеризовалась определенной нечувствительностью к проблемам смысла [1, с. 65].

Введение в концепцию «социология жизни», в описание и трактовку многообразия жизненного мира, в инструментарий его исследования понятия «смысл» предполагает выявление таких характеристик, которые бы отражали качественную определенность общественного сознания, поведения и социальной среды. Смысл в этом случае обозначает некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности, глубинное содержание бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полученных в процессе социологического исследования показателей и индикаторов.

Прежде чем приступить к социологической объяснительной модели этого понятия, обратим внимание на широкую, но весьма размытую трактовку (интерпретацию) смысла в научной литературе, в политике, экономике, в сфере литературы и искусства, в повседневной жизни. Например, выражения «университет как смысл жизни» [2], «смыслы триединой русско-российской революции» [3], «художественная лите-

ратура помогает понять смысл», «подарок со смыслом» или «смысловые прорехи в сериалах». Именно широкое применение термина «смысл» породило различные трактовки, которые имеют разное звучание и понимание. Одно дело, когда говорят о смысле жизни, другое – о смысле политики, третье – о смысле конкретного действия и т.д. и т.п. Поэтому для начала совершим краткий исторический экскурс.

Социологическая трактовка смысла

Что касается социологии, то понимание смысла подготовил век Просвещения, когда его выдающиеся представители – К.А. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах – сосредоточили внимание на обосновании роли и значения здравого смысла, хотя они по-разному трактовали его суть (Гельвеций – как ориентацию на материальный интерес, Руссо – как чувства, а Гольбах – как соединение в мышлении людей научных (нередко стихийных, неосознаваемых) представлений и обыденных забот и ориентаций). Но все они несомненно сходились в одном: здравый смысл – это способность самостоятельно решать вопросы повседневной жизни, стремление к ее нормальному протеканию и рациональной организации [4].

К проблемам смысла жизни в той или иной мере обращались многие социологи. Но более отчетливое и последовательное его изложение и понимание пришло только в XX в. О смысле жизненного мира писал Гуссерль [15]. Для М. Вебера протестантизм был ключевым смыслом для трактовки и понимания социальной реальности [5]. Понятию «смысл» уделил большое внимание и А. Шюц: по его мнению, жизненный мир «является воплощением *жизнепрактических смыслов* (курсив наш. – Ж.Т.), обладающих непосредственной очевидностью, и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта» [6]. Особо отмечается социологическое обоснование Шюцом теоретического положения о наличии у смысла измерений [7, с. 964]. «Он ввел различие объективного и субъективного смысла, выделив три его измерения: 1) предметное, или тематическое, измерение; 2) темпоральное измерение, связь смысла действия с прошлым и будущим; 3) социальное измерение, связанное с мотивацией участников взаимодействия» [8, с. 55].

Социологической интерпретации смысла уделили внимание Дж. Александер [1], П. Штомпка [34].

Однако в социологической литературе как отечественной, так и зарубежной это понятие используется вскользь, попутно, обычно при анализе и/или характеристике отдельных процессов и явлений. В значительной степени это связано с тем, что это понятие, используемое фи-

лософской мыслью, достаточно сложно для эмпирической интерпретации. Поэтому социологи попадают в затруднительное положение, когда оперируют используемыми и проверенными практикой показателями, но, исходя из разных трактовок предмета социологии, встречаются с серьезными затруднениями по выяснению истинных, глубинных причин происходящих изменений. Недостаточно отчетливо это выражено и тогда, когда при изучении жизненного мира социологи оперируют данными, характеризующими внешнюю, поверхностную, внешнюю часть социальной реальности, окружающий макро-, мезо- и микромир [9]. Используемые показатели и индикаторы далеко не всегда дают ответ на вопрос – а что же главное в жизненном мире, что определяет его качество, что в конечном счете выявляет «человека в обществе, общество в человеке» [10].

На наш взгляд, такую качественную определенность дает следующий этап в трактовке предмета социологии, когда мы прибегаем к использованию понятию «смысл». Именно смысл венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающей его социальной действительности, о роли и месте его жизненного мира в обществе. Ведь социологические исследования показывают, что одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом. Так, одна притча рассказывает об одном любопытном человеке, встретившем рабочего с доверху нагруженной тяжелыми кирпичами тачкой. «Что ты делаешь?» – спросил он. «А ты разве не видишь? Везу кирпичи», – ответил тот. Пройдя какое-то расстояние, увидел другого рабочего, который катил такую же тачку, и повторил свой вопрос. В ответ он услышал: «Зарабатываю себе на хлеб». Через некоторое время повстречал еще одного рабочего с тачкой и снова поинтересовался, что тот делает. «Строю кафедральный собор», – был ответ. Как видно из этой притчи, одни и те же действия могут иметь совершенно разный смысл – все зависит от того, какое значение человек придает им, от того, почему и ради чего их совершает.

Не менее показателен пример, которые приводит С.Л. Франк в своих рассуждениях о духовных основах общества. Почему, например, вывешенные на улицах Виттенберга тезисы Лютера, внешне ничем не отличающиеся от других подобных афиш и объявлений, повлияли на мировую и европейскую культуру, стали такой созидательной силой? По его мнению, их действенность, оказавшая колоссальную роль в становлении нового религиозного мировоззрения, заключалась в смыслах-идеях, содержащихся в этих тезисах [9, с. 317].

Так какие же показатели и индикаторы можно (и должно) положить в определение смысла жизни? Философское определение истины, ценности, употребление социально-психологического понятия «установка» не дают возможности экспериментально, наглядно ответить на вопрос – в чем состоит смысл жизни. Социологические исследования, которые бы имели объектом жизненный мир этих рабочих, могли бы только определить, что они работают, что они выполняют такую-то работу. Могли бы узнать, довольны они трудом, мнение о руководстве организаций, их отношение к условиям труда и т.д. Но в традиционном подходе они не могли даже приблизиться к уточнению и пониманию смысла их жизни. В попытках социологов найти ответ на вопрос – а что такое смысл жизни, в лучшем случае внимание бы концентрировалось на интерпретации таких целей в жизни, которые имели наибольшую ценность для достижения и воплощения основных жизненных планов.

На наш взгляд, *исходной характеристикой смысла жизни является цель-принцип*, которой руководствуется человек, что позволяет ему придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере конечной, венчающей жизнь высокой осмысленной цели, не зависящей от ситуативных процессов в жизни общества и человека. Согласно А. Шюцу, смысл может быть связан как с научным, теоретическим познанием мира, желанием достичь истины, так и с жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического [11, с. 89].

Это *мера, своеобразное мерило, навигатор*, по которым человек сопоставляет свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего его общества, сравнивает и согласовывает их с другими участниками жизненного мира.

Смысл жизни предполагает, что человек отдает себе отчет *о сущности и содержании* своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, как и каким образом он будет удовлетворять свои потребности и интересы.

Смысл предполагает *осознание человеком своего предназначения и/или назначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и др.), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания своих действий и акций окружающих его социальных институтов. Это *процесс созидания и своеобразный компас*, которым руководствуется человек в своей общественной и личной жизни, *исходя (опираясь) на исторический и индивидуальный опыт*. Иными

словами, это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска реализации своей личности в жизни [12].

Очень важная характеристика смысла – *его превращение во внутреннюю активность* [13, с. 7], *жизненную необходимость*, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремится человек.

Смысл включает в себя не только осознание цели-принципа, учитывающей ценностные ориентации и установки, но и *активное участие в ее реализации*. Подчеркнем, не просто готовность к реализации, а сам процесс превращения цели-принципа в созидательную, творческую деятельность [14, с. 26]. И что особенно важно – смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляться со смыслами жизни других людей и в соответствии с этим принимать решение (открыто или латентно) – следовать принятой цели, вносить коррективы или отказаться от нее. Об этом в свое время говорил еще Гуссерль, когда утверждал, что понимание социальной реальности и, соответственно, жизненного мира зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия. По его мнению, между сознанием и реальностью лежит «подлинная бездна смысла» [15, с. 115].

Некоторые исследователи указывают на связь трактовки смысла с культурой, подчеркивая, что она, а не национальность, не гражданство, определяет его основное содержание [16, с. 125].

Вместе с тем, по мнению К.В. Карпинского, есть люди, которые не имели смысла жизни или имели что-то иллюзорное вместо него, потому что они живут, не беспокоясь о сути своего существования и не понимая, о чем идет речь, хотя на интуитивном уровне он в той или иной степени у них проявляется. Это кризис бессмысленности существования. Но в этой классификации смыслов К.В. Карпинский считает, что есть кризис смыслоутраты (невозможность восстановить смысл своего существования), а также кризис неоптимального смысла жизни [17]. Такое понимание смыслов имеет большое значение для социологов – для понимания и определения полноты и качества жизненного мира.

В настоящее время социологическая мысль стоит перед большой сложной задачей, которую предстоит решить: смыслы часто неочевидны, функционируют на уровне «сознательной бессознательности» и нередко в условиях специальных усилий для сокрытия его истинного

предназначения. Так, смысл обладания власти нельзя уловить при помощи традиционных социологических методов, особенно когда исследование ограничивается одним-двумя методами. Что касается смыслового содержания техники, то, как отмечает З.А. Хазиев, оно не совпадает с функциональным ее назначением – связано с ценностным восприятием мира, создается ради экономии сил, комфорта для одних, для реализации творческих потенций для других [18, с. 333]. Предстоит еще или определить набор социологических измерителей, или осуществить поиск новых инструментов, которые, на наш взгляд, могут быть созданы с помощью психологов, социолингвистов. Однако такой подход не уменьшает значения социологического анализа того, что составляет сущность социологии жизни – его жизненного мира и его основных компонентов – общественного, коллективного и индивидуального сознания, поведения (деятельности) и социальной среды, скрепляющей сущностью которых является смысл.

И все же если попытаться дать определение понятия «смысл жизни», то под ним следует понимать цели-принципы, которые базируются на наиболее существенных, наиболее важных ценностных ориентациях, образующих ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей по достижении определяющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни. В известной мере – это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей. Такой подход не исключает иерархию смыслов, которую можно представить в виде пирамиды, образующей несколько уровней, и которые могут быть производными от основного смысла, хотя в ряде случаев по тем или иным причинам отклоняться от него.

В то же время смысл не сводится только к одной, хотя и ключевой, основополагающей цели-принципу – она в процессе рационального познания окружающей действительности может быть достигнута через более конкретные цели, обычно отражающие ориентации и установки определенных видов деятельности, действий, поступков.

В целом многообразии смыслов – общественных, групповых, личных и т.д. – образует пирамиду (или иерархию), отражающую следующую логику.

Основу этой пирамиды (иерархии), во-первых, образует основной смысл жизни, то, что определяет его сущность, главные ориентации, а также средства их достижения.

Во-вторых, он воплощается в значимых и определяющих, хотя и производных жизненных смыслах, отражающих главные институцио-

нальные позиции человека как гражданина (уровень общества), как жителя (уровень территориальной общности) и как индивида (уровень социального микроокружения). На этом уровне значимы *смыслы мировоззренческого (идеологического) характера*, которые во многом определяют основные установки при осуществлении деятельности социальных групп как в рамках всего общества, так и на других уровнях его социальной организации. Эти смыслы реализуются в принципах-целях, которыми люди руководствуются и которые они хотели бы осуществить в своих взаимоотношениях с обществом и государством [19, 20].

В-третьих, огромную роль приобретают смыслы, определяющие жизненные цели, имеющие наибольшую ценность и характеризующие главные функции деятельности в основных сферах современного общества – как экономического, социального, политического и духовно-культурного человека [21–24].

И наконец, это смысложизненные ориентации: «результат жизни» (отношение к пройденному жизненному пути), «процесс жизни» (отношение к настоящему) и цели-принципы жизни (отношение к будущему) [25, с. 105; 14, с. 106; 13, с. 19].

Таким образом, чтобы всесторонне и полно охарактеризовать сущность жизненного мира как предмет социологии жизни, необходимо выявить его основной смысл и такие образующие его характеристики, которые определяют главные социально-экономические, социально-политические и социально-культурные позиции людей в их взаимоотношении с внешним миром и своим осознаваемым внутренним предназначением.

При выяснении смысла жизненного мира мы не можем полагаться только на рационалистический подход. Обратим внимание на тот факт, что еще Гуссерль видел ограниченность привычной формы рационализма. Он полагал, что европейский рационализм Нового времени страдает односторонностью, вытесняет духовное, смысловое начало из области научного познания. Но, наш взгляд, рационализм вытесняется и из реального содержания жизненного мира. Разве можно прийти к единому толкованию смысла проводимых в настоящее время либерально-рыночных реформ, которые по-разному трактуются различными социальными силами, нередко с взаимоисключающих позиций? В современном мире все отчетливее становится и научная, и практическая очевидность, что теория рационального выбора в применении к анализу жизненного мира теряет свою значимость, ибо социальная реальность в ее современном турбулентном воплощении все больше отходит и от

провозглашенных постулатов и заменяется так называемым иррациональным выбором [26].

Попытка уяснения сущности смысла приводит к заслуживающему внимания выводу: «нет... смыслов вне материальных носителей, информационного поля – вне физического пространства». Именно этим утверждением «отвергаются спиритуализм, объективный идеализм, крайняя форма субъективного идеализма (солипсизм), вся дуалистическая метафизика» и, добавим, современные формы постмодернизма [27, с. 67].

На анализе основного(ых) смысла(ов) жизни сосредоточим внимание на данных социологических исследований, проведенных как автором, так и коллегами за последние четверть века [28, 29]¹.

Главные смыслы современного жизненного мира россиян

Характеристику основных смыслов жизни современного россиянина начнем с анализа тех целей-ценностей, которые определяют его сознание и деятельность и сопоставимы с его социальным опытом. Основы смыслов обуславливают их главные взаимоотношения с внешним миром и с пониманием своего личностного предназначения.

Таковыми главными смыслами, определяющими жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, являются,

---

¹ В настоящей статье использованы данные следующих исследований под руководством автора:

– всероссийского исследования 25–30 октября 2014 г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, юг страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса – Москву и Санкт-Петербург (ЖМ-2014);

– исследования «Сельская жизнь» в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах, в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативших по всероссийской выборке 1000 человек (СЖ-2015).

Для сопоставления и сравнения сдвигов в общественной (экономической, политической, нравственной) жизни были использованы данные всероссийских исследований 2012–2014 гг., позволивших выявить изменения в сознании и поведении людей, тенденции и вновь возникшие проблемы, обусловленные изменениями, произошедшими в современной России:

– всероссийское исследование «Трансформация экономического сознания россиян» 5–10 октября 2012 г. (1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, г. Москва и Санкт-Петербург), по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности) (ЭС-2012);

– всероссийское исследование «Политическое сознание россиян: 25 лет спустя». Опрошены 1200 человек в возрасте 18 лет и старше в 15 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности. Опрос проведен в Краснодарском, Ставропольском краях, Амурской, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областях, г. Москва и Санкт-Петербург с 18 по 25 октября 2013 г. (ПС-2013).

на наш взгляд, стремление к *социальной справедливости, социальной безопасности и защищенности, желанию понять, какое общество строится в России.*

Что касается *социальной справедливости*, то она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в их сознании существует много представлений – и самых разных – о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учится и/или периодически контактирует, а также с теми, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, таким индикатором справедливости является мнение о том, какое будущее люди желают России в первую очередь. В исследовании «Жизненный мир россиян» (здесь и в дальнейшем ЖМ-2014) 63,2 % россиян связывают это будущее с соблюдением государством справедливости, равных прав для всех. Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные, как «обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (55 %) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2 %). Нужно отметить, что представления о справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и другие исследователи (Институт социологии РАН, ИСПИ РАН, «Левада-центр», ВЦИОМ). На наш взгляд, это всеохватывающая направленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. В этой связи интересны данные о жизненных приоритетах, о социальном настроении, которые колебались в незначительном объеме за все годы наблюдений с начала 1990-х гг., несмотря на кризисные и другие перипетии в жизни государства [30–33].

Не менее показательна такая характеристика смысла жизни, как *социальные гарантии, социальная защищенность*, которые выражены во многих значениях, но особенно как личная безопасность, как гарантия благополучия. И здесь дела обстоят не так благоприятно, как этого бы хотелось: отсутствие личной безопасности тревожит, по данным ЖМ-2014, 90,2 % людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения этой безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, его гарантии все

же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право гражданина на существование без опасения за свою жизнь и устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих ориентаций в жизненном мире россиян прямо или косвенно фигурирует стремление обрести социальную устойчивость, что, на наш взгляд, связано с желанием понять – а какое же государство строится в России. Заявленная норма в Конституции РФ – что это социальное государство – мало кого убеждает, так как оно определяется расплывчато и малопонятно для большинства людей. Или оно трактуется очень произвольно. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в исследовании ЖМ-2014 выявлено устойчивое стремление 55 % россиян жить в стабильном обществе. Причем эта нацеленность на стабильность, устойчивость касается всех без исключения уровней образовательной подготовки (минимальное значение у имеющих начальное образование – 46,3 % и максимум – 60,9 % – у лиц с высшим образованием); типов поселения (от 48,5 % у проживающих в поселках городского типа до 57,6 % у жителей областных (краевых) и республиканских центров). Что касается возраста, то 51,5 % 18–29-летних и 56,3 % тех, кто старше 60 лет, ратуют за стабильность в развитии государства и общества. Анализ этих данных позволяет обратить внимание на то, что старшее поколение, имея большой опыт проживания в годы войны, в том числе и холодной, острее реагирует на угрозы безопасности, чем более молодые поколения. Вместе с тем отметим, что последние данные социологических исследований ВЦИОМ и «Левада-центра» в 2017 г. начали выявлять новую тенденцию среди молодежи – стремление к изменениям, что стало проявляться в ряде значимых общественных акций.

Это желание целесообразно сравнить с тем, как оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: 39,8 % оценивали эту ситуацию как обычную и 6,6 % – как благоприятную, 36,6 % – как кризисную, 5,3 % – как катастрофическую. Раскол общественного сознания налицо, олицетворяя сложившуюся в нем антиномию, когда в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и свою оценку.

Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых политологов звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реаль-

ность такова, что почти одна треть (29,3 %) не удовлетворена, 55,7 % частично удовлетворены состоянием демократии в России. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х гг., когда демократичность развития признавалась многими, за нее ратовало большинство населения. Она была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но, как показывают данные, достижение смысла демократии оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян показывает, что за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сферах общества, соответственно, в социальной и духовной. Это истина общеизвестная, не требующая доказательств. Совсем другое дело – в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько они кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни.

Эти главные смыслы дополняются смыслами-целями-принципами, имеющими наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах российского общества – в политике, в экономике, в социальной и духовной сферах.

Смыслы сознания и поведения экономического человека

Основные смыслы социально-экономических ориентаций современных россиян сводятся к оценке благополучия, благосостояния, достойных, по представлениям людей, условий труда и отдыха. Они также проявляются в удовлетворенности трудоустройством, жилищными условиями, коммунальными услугами и экологической обстановкой.

Изменялись ли эти смыслы в современной России? Эти смыслы жизнеустройства можно наглядно проследить по оценкам населения, какие проблемы их волнуют в настоящее время.

Что касается экономической политики государства, оценки экономических реформ, то только немногим более одной трети (38,4 %) заявили, что она осуществляется в правильном направлении. Это больше, чем такую оценку (13 %) давали люди состоянию экономики в марте 1991 г. (ЭС-1991), в значительной мере потому, что к концу горбачевской перестройки нарастающая дезорганизация народного хозяйства достигла критической точки, и большинство было убеждено – так жить нельзя. Сейчас неудовлетворенность преобразованиями в экономике зиждется на том, что реальность далека от заявленных целей, хотя и признаются отдельные сдвиги, в основном в том, что произошло насыщение рынка товарами [34]. В этом отношении показательно, что почти

40 % затруднились сформулировать свою оценку осуществляемых экономических реформ, что в совокупности с негативной оценкой более чем каждого пятого (22,7 %) говорит о том, что для большинства населения происходящие изменения не совпадают с желаемым смыслом, который бы олицетворял сближение личных целей с официально провозглашенными.

Общая оценка экономической политики и экономических реформ с точки зрения жизнесмыслового содержания личной жизни тесно коррелирует с оценкой уровня благосостояния. Если в марте 1991 г. 75 % (в октябре 2014 г. – 54 %) утверждали, что живут от зарплаты до зарплаты, то 14 и 10 % соответственно заявили, что они «еле сводят концы с концами». Несмотря на некоторую разницу в формулировках вопроса, можно сказать, что смысл – обеспечить себе достойный социальный уровень жизненно важного потребления – по-прежнему не реализован, хотя и произошли некоторые позитивные перемены. Анализ этих данных позволяет утверждать, что, несмотря на часто звучащие обвинения людей в потребительстве, тем не менее говорить о том, что люди сводят смысл своего существования только к обеспечению своего материального существования, желаемого уровня и качества жизни (пусть и по их меркам), вряд ли уместно. *Благосостояние и благополучие были, есть и будут важнейшим смыслом деятельности людей при организации своей жизни, но не исключаящим и другие важные для людей ориентации.*

В этой связи важно заметить оценку труда как средства достижения благосостояния. Россиян волнует, как оплачивается их труд, какое место в жизни занимают трудовая деятельность, их профессия, их вписанность в экономические реалии, в иерархию социальных статусов и социального престижа. По данным ЖМ-2014, только каждый пятый (20,1 %) считает, что его труд оценивается справедливо. А остальные или ставят под сомнение (39,6 %), или отрицают (24,7 %) справедливость его оплаты. Иначе говоря, смысл трудовой жизни, нацеленный на признание человеком достойной оплаты труда, для большинства не достигается, что также становится базой и основой для социальной недовольства и напряженности.

Говоря об основных смыслах жизненного мира россиян в экономической сфере, можно сказать, что важной проблемой для них выступают инфраструктурные показатели, обеспечивающие условия жизни. Как показало исследование ЖМ-2014, жителей как городов, так и сел волнуют те проблемы, которые создают приемлемые для человека условия жизни, среди которых на первый план выступает обеспеченность элементарных базовых потребностей: 54,7 % волнует плохое ре-

шение жилищно-коммунальных проблем. Именно эти проблемы в последние годы, по данным других исследовательских центров, фигурируют в опросах населения как наиболее актуальные и значимые для организации повседневной жизни людей наряду с ростом цен, дороговизны товаров повседневного спроса [30, 33].

Продолжение следует.

Литература

1. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.
2. Галажинский Э. Университет как смысл жизни // Экономические стратегии. 2015. № 3.
3. Латин Н.И. Гуманитарный выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социол. исследования. 2016. № 5.
4. Длугач Т.Б. Здравый смысл как философская идея французских просветителей // Философские науки. 2015. № 9. С. 127–140.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1998.
6. Смирнова Н.М. Социальная философия в изучении современного общества. М., 2009.
7. Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.
8. Головин Н.А. К основам понятия смысла: актуализация вклада А. Шюца в теоретическую социологию // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. М., 2016.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1991.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
11. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2002.
12. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
13. Чудновский В.Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследований // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 1. С. 5–19.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.

References

1. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya. M., 2013.
2. Galazhinskiy E. Universitet kak smysl zhizni // Ekonomicheskie strategii. 2015. № 3.
3. Lapin N.I. Gumanitarnyy vybor nasele-niya Rossii i tsentry vnimaniya rossiyskoy sotsiologii // Sotsiol. issledovaniya. 2016. № 5.
4. Dlugach T.B. Zdravyy smysl kak filosofskaya ideya frantsuzskikh prosvetiteley // Filosofskie nauki. 2015. № 9. S. 127–140.
5. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M., 1998.
6. Smirnova N.M. Sotsial'naya filosofiya v izuchenii sovremennogo obshchestva. M., 2009.
7. Shyuts A. Izbrannoe: mir, osvyashchennuyu smyslom / sost. i per. N.M. Smirnovoy. M., 2004.
8. Golovin N.A. K osnovam ponyatiya smysla: aktualizatsiya vklada A. Shyutsa v teoreticheskuyu sotsiologiyu // Sotsiologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i sotsial'nye praktiki. M., 2016.
9. Frank S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva // Russkoe zarubezh'e. L., 1991.
10. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti : traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995.
11. Shyuts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mir. Ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. M., 2002.
12. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M., 1991.
13. Chudnovskiy V.E Smysl zhizni: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy // Psikhologicheskiy zhurnal. 2015. T. 36, № 1. P. 5–19.

15. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2001.
16. Синеокая Ю.В. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопросы философии. 2015. № 12.
17. Карпинский К.В. Неконгруентный смысл жизни и смысложизненный кризис в развитии личности // Актуальные проблемы психологии личности. Ч. 2. Гродно, 2012. С. 101–147.
18. Хазиев З.А. Смысловое содержание техники от древнейших времен до эпохи Нового времени // Философско-социологическая школа Уфимского государственного ун-та. Уфа, 2015.
19. Козырева П.М., Смирнов А.И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М., 2015.
20. Луков Вал.А., Луков В.А. Тезауры 11: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М., 2013.
21. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов, 2012.
22. Иванова Е.И. Социально-экономические поколения России: производство и взаимодействие. М., 2012.
23. Константиновский Д.Л. [и др.] (ред.). Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М., 2015.
24. Маршак А.Л. Культура: Социальные смыслы и социальные реалии. М., 2013.
25. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
26. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // Социол. исследования. 2014. № 3.
27. Фатенков А.Н. Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах // Философские науки. 2015. № 9. С. 64–78.
28. Тощенко Ж.Т. (ред.). Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.). М., 2016.
29. Тощенко Ж.Т. Социология жизни.
14. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla. M. : Smysl, 1999.
15. Gusserl' E. Kartezianskiye razmyshleniya. M., 2001.
16. Sineokaya Yu.V. Filosofiya Fridrikha Nitsshe kak zerkalo konstruirovaniya postsovetsoy natsional'noy identichnosti Rossii // Voprosy filosofii. 2015. № 12.
17. Karpinskiy K.V. Nekongruentnyy smysl zhizni i smyslozhiznennyy krizis v razvitii lichnosti // Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti. Ch. 2. Grodno, 2012. P. 101–147.
18. Khaziev Z.A. Smyslovoe sodержanie tekhniki ot drevneyshikh vremen do epokhi novogo vremeni // Filosofsko-sotsiologicheskaya shkola Ufimskogo gosudarstvennogo un-ta. Ufa, 2015.
19. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Rezul'taty radikal'nykh reform i problema podderzhki printsipov i tsennostey demokratii v Rossii. M., 2015.
20. Lukov Val.A., Lukov V.A. Tezaurusy 11: Tezaurusnyy podkhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira. M., 2013.
21. Velikiy P.P. Rossiyskoe selo. Protsestry postsovetsoy transformatsii. Saratov, 2012.
22. Ivanova E.I. Sotsial'no-ekonomicheskie pokoleniya Rossii: vosproizvodstvo i vzaimodeystvie. M., 2012.
23. Konstantinovskiy D.L. [i dr.] (red.). Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya. M., 2015.
24. Marshak A.L. Kul'tura: Sotsial'nye smysly i sotsial'nye realii. M., 2013.
25. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane // Voprosy literatury i estetiki. M., 1975. P. 234–407.
26. Zafirovskiy M. Vne ratsional'nogo vybora: elementy «teorii irratsional'nogo vybora» // Sotsiol. issledovaniya. 2014. № 3.
27. Fatenkov A.N. Ekzistentsial'nyy realizm v smyslakh i litsakh // Filosofskie nauki. 2015. № 9. P. 64–78.
28. Toshchenko Zh.T. (red.). Zhiznennyy mir rossiyan: 25 let spustya (konets 1980-kh –

ни. М., 2016.

30. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социол. исследования. 2015. № 12.

31. Левада Ю.А. (ред.). Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.

32. Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.

33. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества. 2000–2006. М., 2007.

34. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М., 2007.

seredina 2010-kh gg.). М., 2016.

29. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya zhizni. М., 2016.

30. Gorshkov M.K., Sedova N.N. «Samodostatochnye» rossiyane i ikh zhiznennye prioritety // Sotsiol. issledovaniya. 2015. № 12.

31. Levada Yu.A. (red.). Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh. М., 1993.

32. Levada Yu.A. Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005. М., 2006.

33. Levashov V.K. Sotsiopoliticheskaya dinamika rossiyskogo obshchestva. 2000–2006. М., 2007.

34. Shtompka P. Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva / per. s pol'sk. S.M. Chervonnoy. М., 2007.

Поступила в редакцию

20 июля 2017 г.